

Pavelas Ivinskis

Польско-русская компаративистика в трудах профессора Базылия Бялокозовича : некоторые аспекты изучения

Acta Polono-Ruthenica 6, 29-47

2001

Artykuł został zdigitalizowany i opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

Pavelas Ivinskis
(Litwa, Wilno)

**Польско-русская компаративистика в трудах
профессора Базылия Бялокозовича:
некоторые аспекты изучения**

Научное творчество Базылия Бялокозовича, его педагогическая, редакторская, издательская и организующая деятельность – одно из значительнейших явлений филологической науки второй половины ушедшего столетия как польской, так и международной. Ставшее уже в семидесятые годы употребляемым в литературоведческих кругах выражение: „Бялокозович не просто ученый – индивидуум, он целая инсти-туция” – в последующие десятилетия воспринималось как бесспорная научная данность, подтверждавшаяся перемещением центра слависти-ческих исследований вслед за перемещениями Профессора, что счел не-обходимым специально акцентировать и аргументировать профессор Р. Лужны в статье *O zasadności powołania serii wydawniczej „Acta Polono-Ruthenica”*.¹

В основе достижений и авторитета Бялокозовича лежат опреде-лившиеся уже в первых публикациях особенности его научного метода, воспринявшего фундаментальные принципы классического литературо-ведения вообще и компаративистики в частности: опора на источники; текстологические обоснования; стремление к исчерпывающему фактологи-ческому описанию контактных литературных взаимосвязей и значащих типологических соответствий; чрезвычайно широкий культурологический, исторический и общественный контекст и комментарий; многоаспек-тность, обязательный учет предшествующего опыта науки и макси-мальная, близкая к исчерпывающей библиографическая оснащенность; обусловленный названными особенностями синтетический стиль. Именно в совокупности всех этих черт состоит, как мы понимаем, своеобразие и значение научного метода профессора Б. Бялокозовича. Такой метод пред-

¹ „Acta Polono-Ruthenica”, t. I, Olsztyn, Wyd. WSP 1966, s. 7–13.

полагал, „программировал” движение Ученого как вглубь, так и вширь, позволял раскрывать и формулировать для себя и науки в целом максимальные горизонты и цели. Отсюда исключительный объем и значимость сделанного – только по русистике 7 книг и около 600 статей, а также результативность организационных усилий Ученого по объединению исследователей Польши и в ряде случаев других стран для осуществления больших компаративистических замыслов.

Приветствуя издание юбилейного тома „Acta Polono-Ruthenica” посвященного семидесятилетию Базилия Бялокозовича и гордясь предоставленной возможностью принять в нем участие, не могу сразу же не высказать своего убеждения в том, что всестороннее осмысление и оценка того, что сделано и делается Профессором – дело будущего, поскольку, кроме обязательного предварительного систематизирования и библиографирования трудов Ученого, необходимо адекватное обсуждение их высокой национально-исторической и гуманистической проблематики, открытой в Большое время, и требующей для своей оценки соответствующей дистанции. Попытаемся остановиться на двух, вынесенных в названия подразделов, аспектах: взаимовосполнение литератур и европейский контекст.

Взаимовосполнение литератур

Аспектная систематизация и библиографирование трудов Б. Бялокозовича предполагает выделение, по крайней мере, следующих разделов: библиографические работы; методологические; издание произведений русской литературы в Польше и рецензии на подобные издания; работы по истории русской литературы и рецензии на подобные публикации других авторов; собственно компаративистические исследования с выделением периодов и персоналий (Пушкин, Мицкевич, Герцен, Толстой, Блок, Шолохов, Ахматова), а также некоторых подразделов, например *Поляки и Польша в русской литературе*, *Русские и Россия в польской литературе*; редактирование литературоведческих журналов, компаративистических серий, отдельных трудов польских и зарубежных ученых; представление польских и иностранных филологов, включая юбилейные и энциклопедические статьи, антологии и обзоры, рецензии на подобные издания; публикации по линии МАПРЯЛ, Всемирных съездов славистов, совещаний славистических институтов Академий разных стран; доклады на научных конференциях; перечень подготовленных докторантов, магистрантов, рецензированных хабилитационных и доктор-

ских диссертаций; публичные выступления в центрах русской культуры, прежде всего в Доме русской культуры в Варшаве; наконец работы о Профессоре и рецензии на его труды.

Отмечая исключительную широту компаративистики Б. Бялокозовича, тяготеющей в теоретических концепциях и в немалой мере в практических реализациях (в разной степени и жанрах) к охвату по существу тысячелетней истории польской и русской литератур и утверждающей непрерывность их взаимосвязей, необходимо видеть постоянные апелляции Профессора к требованиям компаративистики как таковой, природа коей – стремление к „охвату всего”, тем более когда литературные взаимодействия являются прямым следствием факторов историко-государственных и общественно-политических, в чем по преимуществу состоит своеобразие русско-польской компаративистики; а в еще более широком плане помнить его призывы ни при каких условиях не забывать о том, что компаративистика и ее данные, в отличие от политики, не подвержены преходящим потрясениям и что ее миссия духовного взаимопознания народов – важнейший закон гуманизации мира.

Базылий Бялокозович – прежде всего толстовед. Из 27 опубликованных в течение первого десятилетия научной деятельности (1956–1966) работ 24 были посвящены Толстому. Их обобщением явилась монография *Lwa Tolstoja związki z Polską* (1966), высоко оцененная в стране и за рубежом.² И позднее творец *Войны и мира* занимал преимущественное внимание Профессора, вплоть до последних публикаций.³ Всего без малого за полвека им напечатано о Толстом свыше 100 работ. Монография, как и предшествующие и последующие статьи и книги, хорошо иллюстрируют отмеченную многоаспектность подходов Бялокозовича. Напомним некоторые: „*За что*” и *другие рассказы* (orgasował i wstępem

² См.: *Bibliografia rusycystyki polskiej: 1945–1975. Literaturoznawstwo*, Warszawa 1976, s. 123–124, nr 1441, rec.: 1–29; M. Chajęcka, L. Jazukiewicz-Osefkowska, *Literackie filiacje polsko-rosyjskie w badaniach polskich*, „Studia Polono-Slavica Orientalia. Acta Litteraria”, t. 10, 1987, s. 150–155.

³ *Lew Tolstoj w oczach Jana Baudouina de Courtenay*, [w:] *Oblicza Wschodu w kulturze polskiej*, pod red. G. Kotlarskiego i M. Figury, Poznań 1999, s. 143–163; *Неизвестная судьба статьи – исследования И. А. Бодуэна де Куртенэ „Л. Н. Толстой и смертная казнь”*, „Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского”. Серия Филология, Вып. 1, 1999, s. 88–100; *Poszukiwania etyczne Augustyna Wróblewskiego i literatura rosyjska*, „Acta Polono-Ruthenica”, t. 5, Olsztyn 2000, Wyd. UWM, s. 101–113, здесь речь идет преимущественно об отношении Августина Врублевского к Л. Н. Толстому.

opatrzył B. Białokozowicz, Warszawa 1970; wyd. 2-4 1974–1985; *Opowiadanie „Za co?”*. W świetle jubileuszowego wydania dzieł Lwa Tolstoja i materiałów archiwalnych⁴; *Polska i Polacy w życiu i twórczości młodego Lwa Tolstoja*⁵; *Изображение поляков в творчестве Л. Н. Толстого*⁶; *Wątki i elementy polskie w „Zmartwychwstaniu” i „Hadzi – Muracie”*⁷; *Lew Tolstoj i Fryderyk Chopin*⁸; *Lew Tolstoj o Henryku Sienkiewiczu*⁹; *Lew Tolstoj wobec Stanisława Przybyszewskiego*¹⁰; *Polonika w Jasnopoliańskiej Bibliotece Lwa Tolstoja*¹¹; *Lwa Tolstoja droga do Polski*¹²; *Lew Tolstoj w oczach pisarzy polskich*¹³; *Dichtung und Wahrheit. К вопросу о ненаписанном предисловии Л. Н. Толстого к „Хаму” Элизы Ожешко*¹⁴; *„Война и мир” Л. Н. Толстого в восприятии польских писателей*¹⁵; *„Война и мир” Л. Н. Толстого, „Трилогия” Г. Сенкевича и „Пепел” С. Жеромского*¹⁶; *Вокруг Толстого – серия статей о корреспонденции Толстого и его окружения с поляками*¹⁷; *Толстой в*

⁴ „Slavia Orientalis” 1960, nr 4, s. 555–580.

⁵ „Przegląd Humanistyczny” 1966, nr 2, s. 49–72.

⁶ W: *Изображение человека в русской классической и советской литературе. Научные доклады и сообщения*, София 1973, s. 119–125.

⁷ „Slavia Orientalis” 1965, nr 2, s. 179–190.

⁸ „Польша”, май 1982, s. 24–25.

⁹ „Przegląd Humanistyczny” 1966, nr 1, s. 119–126.

¹⁰ W: *Stowianie w świecie antynorm Stanisława Przybyszewskiego*, Wrocław, Ossolineum 1981, s. 145–152.

¹¹ „Slavia Orientalis” 1962, nr 4, s. 501–509.

¹² „Polska”, Warszawa 1970, nr 4, s. 17–18 (toż w mutacjach angielskiej, amerykańskiej, francuskiej, niemieckiej, hiszpańskiej i szwedzkiej).

¹³ „Pokolenia”, Warszawa 1978, nr 4, s. 212–222.

¹⁴ „Ученые записки Горьковского гос. университета Н. И. Лобачевского”, t. 77. Л. Н. Толстой. *Статьи и материалы*, t. 2, Горький 1966, s. 272–289.

¹⁵ „Acta Universitatis Carolinae. Slavica Pragensia”, XXII, Philologica 3-5/1979. Věnováno 150. výročí narození L. N. Tolstého, Praha 1979, s. 189–210.

¹⁶ „Вестник Московского Университета. Филология” 1971, вып. 2, s. 3–15.

¹⁷ *Wokół Lwa Tolstoja*. I. *Nieznany list Mariana Zdziechowskiego do Włodzimierza Czertkowa i zapomniany artykuł Włodzimierza Boncz-Brujewicza o pomniku Michała Murawjowa (zw. Wieszatielem) w Wilnie*, „Slavia Orientalis” 1980, nr 4, s. 515–522; II. *Listy Mariana Zdziechowskiego do Piotra Siergiejenki i szkic Zdziechowskiego „Głos z Polski”*, „Slavia Orientalis” 1981, nr 1, s. 33–44; *Korespondencja Jana Baudouina de Courtenay z Włodzimierzem Czertkowem i jego wydawnictwem „Swoobodnoje Slowo”*, „Slavia Orientalis” 1981, nr 1–2, s. 41–48.

*Польша (1858–1962) и Дни памяти Л. Н. Толстого. Польша, 1960 год*¹⁸... Сопряжение материалов и точек зрения двух ракурсов: *Польша и поляки в жизни и творчестве Толстого и Толстой в Польше*, открытие и введение в научный оборот новых фактов, текстов, других материалов, текстологические уточнения, глубина интерпретаций, типологических сопоставлений – абсолютный вклад в толстоведение; без учета сделанного им нельзя в полной мере воспринимать мир Толстого. Но дело не только в этом. Доминирующее присутствие Толстого в научном творчестве Б. Бялокозовича означает и доминирующее присутствие толстовского видения на русско-польские отношения, что так определенно выявится во второй монографии о взаимосвязях Толстого с Польшей *Мариан Здзеховский и Лев Толстой* (1995).

В 1971 г. Бялокозович выпускает исследование *Z dziejów wzajemnych polsko-rosyjskich związków literackich w XIX wieku*, вызвавшее также многочисленные отклики.¹⁹ Как и монография о Толстом, здесь методологические предложения, содержание отдельных глав и их чередование, обширнейшие *Примечания и дополнительные материалы*, богатая библиография строилась на основе двух исходных положений: что связи литературы Польши и России являлись отражением и частью историко-общественных и политико-идеологических процессов и что их конкретная суть раскрывается при анализе материалов и точек зрения одновременно двух сторон польской и русской в их сопряжении. Этими принципами и их реализацией исследование выдвинулось на фоне имевшихся компаративистических накоплений, в том числе в сравнении с соответствующими разделами двухтомной *Historii literatury rosyjskiej* под редакцией профессора М. Якубца (1970–1971, 2 изд. 1976). Намеченному пути, углубляя прежние и вводя новые темы и проблемы, Б. Бялокозович следовал в дальнейших книгах и статьях: *Dźwięki kruszonych oków. Polska w poezji rosyjskiej lat 1795–1917. wybór, opracowanie i przedmowa* (Warszawa 1977); *Родственность. преемственность. современность* (Москва 1988); *Ро-*

¹⁸ W: *Толстой и зарубежный мир*, „Литературное наследство”, t. 75, cz. 2, Moskwa 1965, s. 249–296, 505–508.

¹⁹ *Bibliografia rusycystyki polskiej: 1945–1975. Literaturoznawstwo*, Warszawa 1976, s. 184–185, nr 2243, rec.: 1–36: M. Chajęcka. L. Jazukiewicz-Osefłowska, op. cit., s. 18–22.

*wstanie Listopadowe w literaturze rosyjskiej*²⁰; *Polacy i Polska w poezji rosyjskiej doby Powstania Styczniowego*²¹; *Воплощение идей польского национально-освободительного движения „За Вашу и нашу свободу” в русской художественной литературе XIX века*²²; *Polska w poezji rosyjskiej na przełomie XIX i XX wieku*²³; *Мицкевич и Шопен в русской культуре XIX века*²⁴; *Адам Мицкевич в поэтическом восприятии А. С. Пушкина*²⁵; *Александр Герцен и Адам Мицкевич*²⁶; *Адам Мицкевич в русской художественной литературе: образ и символ*²⁷; *Hercen i Ogariow wobec Powstania Styczniowego*²⁸; *Jan Baudouin de Courtenay o Puszkynie*²⁹; *Jan Baudouin de Courtenay o Dostojewskim*³⁰; *Генрик Сенкевич и русская литература*³¹; *Польша и поляки в творческом сознании Александра Блока*³²; *Польские мотивы в творчестве Блока*³³; *К творческой истории*

²⁰ „Przegląd Humanistyczny” 1971, nr 2, s. 99–114. См. также значительно дополненную его публикацию в сборнике: *Dziedzictwo Powstania Listopadowego w literaturach obcych*, Warszawa 1988, s. 7–44.

²¹ „Przegląd Humanistyczny” 1971, nr 3, s. 83–108.

²² Cz. 1: „Język Rosyjski”, 1973, nr 2, s. 65–71; cz. 2: „Język Rosyjski” 1973, nr 3, s. 134–140. См. также его работу: *Революционные идеи польского национально-освободительного движения „За вашу и нашу свободу” в творчестве А. И. Герцена и Н. П. Огарева*, „Studia Slavica Hungaria”, t. 27, Budapest 1981, s. 159–176.

²³ W: *Polsko-rosyjskie związki społeczno-kulturalne na przełomie XIX–XX wieku*, Warszawa 1980, s. 247–270.

²⁴ W: *Культура народов Центральной и Юго-Восточной Европы XVIII–XIX веков. Типология и взаимодействия*, Москва 1990, s. 132–146. Сравни также его исследование: *Адам Мицкевич в восприятии А. И. Герцена и Н. П. Огарева*, [w:] *Романтизм в славянских литературах*, Москва 1973, s. 192–218.

²⁵ W: *Художественное мышление в литературе XIX–XX веков. Межвузовский тематический сборник научных трудов*, Калининград 1994, s. 3–13.

²⁶ W: *Родственность, преемственность, современность*, Москва 1988, s. 54–70.

²⁷ W: *Третий Международный Конгресс МАПРЯЛ. Основные доклады и сообщения польской делегации*, Warszawa 1976, s. 11–45.

²⁸ „Rocznik Wolnej Myśli”, Warszawa 1963/1964, s. 190–193.

²⁹ „Slavia Orientalis” 1980, nr 3, s. 383–392.

³⁰ „Slavia Orientalis” 1980, nr 1–2, s. 31–36.

³¹ W: *Родственность, преемственность, современность*, s. 71–92.

³² Ibidem, s. 151–176.

³³ W: *Atti del symposium „Aleksander Blok” (Milano–Gargnano del Garda, 6–11 settembre 1981)*, Milano 1984, s. 33–50.

„Князя Потемкина” Тадеуша Мициньского³⁴...

В трудах Бялокозовича утвердилась и многообразно продемонстрирована концепция встречного движения русской и польской демократии, сумевших осознать взаимообусловленность национальной и социальной революции. Герцен потому и „спас честь русской демократии”, что воспринял польский лозунг „За Вашу и нашу свободу” именно так. И то обстоятельство, что эта нравственно и политически высочайшая оценка Герцена принадлежит вождю русской социальной революции, не должно приводить к забвению или умалению вершинных проявлений солидарности интеллигенции двух стран, как и к недооценки соответствующих литературоведческих разработок Базылия Бялокозовича.

Сложнее складывались в единую концепцию работы Бялокозовича о советской литературе; сложнее и их оценка. Разделяя веру многих в перспективность переустройства жизни на началах социальной справедливости, Б. Бялокозович приложил немало усилий к тому, чтобы ознакомить польское общество с теорией и практикой социалистической литературы России. Первые сегодня, по-видимому, могли бы считаться устаревшими. Работы же конкретного характера сохраняют интерес и даже значительность, как, например, антология *Jak unieść wierszem Twoją chwałę. Polska w poezji radzieckiej, wybór i wstęp* (1977); опубликованные по-польски и по-русски (в составе второй книги *Родственность, преемственность, современность*) статьи *Народная Польша в советской художественной литературе*, *Ванда Василевская – польская и советская писательница*, *Ярослав Ивашкевич – поборник гуманистической идеи единства культур*, *Польские писатели о творчестве Михаила Шолохова*. При любом отношении к русским и польским писателям социалистической ориентации компаративистика по самой своей природе обязана скрупулезно фиксировать факты, „то, что было”, или, как озаглавил одно из своих интервью Профессор, *Компаративистика – это не компартия*.³⁵ Но дело не только в этом. Литература социалистического реализма выдвинула произведения, являющиеся вершинами художественной словесности России XX столетия, в первую очередь *Тихий Дон*. Гуманистической науке еще предстоит сопоставить его с лучшим польским романом ушедшего столетия – *Хлопами* В. Реймонта. Обе эпопеи представляют крестьянство как почву, основу национального бытия. Не потому ли обе, в разное время, были, удостоены Нобелевской премии?

³⁴ W: *Родственность, преемственность, современность*, s. 136–150.

³⁵ Газета „Стерлитамакский рабочий” 1990, nr 207, s. 2.

Знаменательным событием стало методологическое исследование *Polsko-wschodniosłowiańskie stosunki literackie jako problem badawczy*, открывшее первый том созданной Ученым серии „Studia Polono-Slavica-Orientalia. Acta Litteraria” (1974). Значение методологических предложений Б. Бялокозовича состояло в объединении 1) широкой, основанной на достижениях мирового сравнительного литературоведения, концепции и 2) конкретной программы путей реализации этой концепции в области польско-славянских, количественно большей частью польско-русских, литературных связей. В вышедших 13 томах (последний в 1992) и с 1996 пяти томах новой серии „Acta Polono-Ruthenica” приняли участие практически все исследователи-компаративисты русистских и славяноведческих научных и учебных центров страны; и в результате польско-русская компаративистика сделала такие накопления и наблюдения, которые выдвинули ее на первое место в мировой сопоставительной русистике.

Параллельно серию дополняли и разнообразили специализированные журналы: „Slavia Orientalis”, главным редактором которого был Б. Бялокозович в период 1975–1991, „Przegląd Humanistyczny” (чл. ред. сов. 1969–91), „Przegląd Rusycystyczny” (чл. ред. сов. 1978–96), „Pamiętnik Słowiański” (чл. ред. сов. 1985–91) „Biuletyn Slawistyczny” (чл. ред. сов. 1976–91). При этом следует специально акцентировать, что редакторская деятельность сопровождалась, кроме внутрижурнальных рецензий, постоянной публикацией рецензий на выходившие научные монографии, сборники, переводы, антологии; обзоров, статей о ведущих филологах Польши. Выступления в этих жанрах неотъемлемы от основного массива сделанного Профессором. Напомним некоторые. По периоду X–XVIII вв.: вступительная статья, к специальному номеру „Slavia Orientalis” к Тысячелетию Крещения Руси³⁶; анализы новейших польских исследований, посвященных этой дате³⁷; оценка исследования и перевода Ф. Селицким *Повести временных лет*³⁸; представление квартальника Института Яна-Павла II Католического университета в Люблине „Ethos” (1988, nr 1)³⁹; рецензия на кн. Э. Малэк о старопольской прозе в русском

³⁶ „Slavia Orientalis” 1989, nr 3–4, s. 251–256.

³⁷ „Slavia Orientalis” 1990, nr 1–2, s. 183–206. См. также его обстоятельную рецензию на весьма примечательное альбомное издание: Adam Bujak, *Ruś. Tysiąc lat chrześcijaństwa* (Warszawa 1990), – „Roczniki Humanistyczne TN KUL. Słowianoznawstwo”, t. 42, 1994, z. 7, s. 233–145.

³⁸ „Nowe Książki” 1969, nr 4, s. 209–211.

³⁹ „Slavia Orientalis” 1989, nr 3–4, s. 643–648.

литературном процессе XVII-XVIII вв.⁴⁰; исследование научной деятельности профессора Р. Лужного в статьях к его 60-летию⁴¹ и 70-летию⁴²; рецензии на книги А. Андрусевича *История Великой смуты*⁴³ и автора этих строк *Восточнославянская литература в Великом Княжестве Литовском*⁴⁴; разбор книги Т. Кулаковского о драматургии Крылова⁴⁵. Добавим к этому, что с польскими работами о Ломоносове выгодно корреспондирует исследование Профессора *Spuścizna literacka Michaila Łomonosowa*.⁴⁶

Из рецензированных Бялокозовичем польских книг о русской литературе XIX в. и ее связях с литературой польской важно назвать следующие: исследование историка Л. Базылева о русском обществе первой половины XIX в.⁴⁷; З. Збыровского о русской романтической поэме⁴⁸; З. Гросбарта о теоретических основах и практике перевода русской поэзии, прежде всего пушкинской⁴⁹; А. Гизы о позиции русских славянофилов во время Балканского кризиса 1875–78 гг.⁵⁰; книги о Достоевском Л. Язукевич-Осэлковской⁵¹, Д. Кулаковской⁵², Т. Позыняка⁵³; Е. Кухарской о славистической деятельности П. Дубровского⁵⁴; Г. Пшебинды о русской религиозной философии от Чаадаева до Бердяева⁵⁵;

⁴⁰ „Przegląd Rusycystyczny” 1984, nr 3–4, s. 199–205.

⁴¹ „Slavia Orientalis” 1989, nr 3–4, s. 623–642.

⁴² „Acta Polono-Ruthenica”, t. 2, 1997, s. 3–41.

⁴³ „Dziś. Przegląd Społeczny” 2000, nr 12, s. 134–139.

⁴⁴ „Acta Polono-Ruthenica”, t. 5, 2000, s. 356–361.

⁴⁵ „Nowe Książki” 1968, nr 20, s. 1340–1341.

⁴⁶ „Nauka Polska” 1982, nr 2, s. 115–131.

⁴⁷ „Nowe Książki” 1973, nr 19, s. 6–7.

⁴⁸ „Język Rosyjski” 1984, nr 2, s. 112–114.

⁴⁹ „Slavia Orientalis” 1986, nr 4, s. 595–599.

⁵⁰ „Slavia Orientalis” 1983, nr 3, s. 377–380.

⁵¹ W: *Актуальные проблемы исследования славянских литератур. К IX Международному съезду славистов в Киеве. Научно-информационный сборник*, Москва 1983, s. 291–297.

⁵² „Człowiek i Światopogląd” Warszawa 1982, nr 203, s. 143–148; „Kultura” Warszawa 1987, nr 47, s. 11.

⁵³ „Slavia Orientalis” 1972, nr 1, s. 114–117.

⁵⁴ „Przegląd Humanistyczny” 1974, nr 9, s. 131–134.

⁵⁵ „Dziś. Przegląd Społeczny” 2000, nr 11, s. 122–127.

П. Гжегорчика о Толстом в Польше⁵⁶, а также переведенные с русского книги о Толстом⁵⁷ и вступительное слово к переведенному исследованию И. Горского *О Сенкевиче и Веселовском*.⁵⁸

Сохраняют значение многие рецензии о польских компаративистических изданиях по литературе XX в.: *Tam, gdzie ziemia śpiewa. Kraj Rad w poezji polskiej*⁵⁹; *Podróże w głąb czasu. Antologia radzieckiego reportażu literackiego*⁶⁰; *Księga przyjaciół*⁶¹; Н. Janaszek-Ivaničková, *O współczesnej komparatystyce literackiej* (Warszawa 1980)⁶², и др.

Больше, чем кто-либо иной, Б. Бялокозович последовательно знакомил гуманитариев Польши с исследованиями русских филологов и нередко литературоведами других стран, в тех же жанрах рецензии, юбилейной статьи, обзоров, отчетов, энциклопедических биограмм, а также представлений специализированных журналов, информации о славистических форумах и конгрессах МАПРЯЛ, тематических совещаний и др. Среди них: *Обсуждение докладов о И. С. Тургеневе* на IX съезде славистов⁶³; *Летопись жизни и творчества Л. Н. Толстого*, составленная Н. Н. Гусевым⁶⁴; сборник статей и материалов о Н. А. Добролюбове⁶⁵; книга Г. П. Пирогова и А. Ф. Захаркина о реализме А. Н. Островского и А. П. Чехова⁶⁶; исследование Е. З. Цыбенко о польском социальном романе⁶⁷; воспоминания современников о Блоке⁶⁸; переписка Блока⁶⁹; *Иван Бунин*

⁵⁶ „Slavia Orientalis” 1966, nr 2, s. 247–251.

⁵⁷ W. Żdanow, *Dzieje tworzenia „Anny Kareniny”*. *Materiały, spostrzeżenia, przełożył W. Skrunda, przedmowę napisał I. Belza*, Warszawa 1976 – „Slavia Orientalis” 1978, nr 1, s. 95–97.

⁵⁸ *Słowo wstępne*, [w:] I. Gorski, *O Sienkiewiczzu i Wiesielowskim*, Warszawa 1986, s. 5–18.

⁵⁹ „Przegląd Rusycystyczny” 1981, nr 4, s. 87–91.

⁶⁰ „Nowe Książki” 1968, nr 21, s. 1481–1483.

⁶¹ „Przegląd Humanistyczny” 1975, nr 10, s. 161–167.

⁶² „Slavia Orientalis” 1982, nr 3–4, s. 187–193.

⁶³ W: *IX Международный съезд славистов (Киев, сентябрь 1983). Материалы дискуссии. Литература и лингвостилистика*, Киев 1987, s. 68–70.

⁶⁴ „Slavia Orientalis” 1962, nr 1, s. 130–135.

⁶⁵ „Slavia Orientalis” 1966, nr 2, s. 245–247.

⁶⁶ „Język Rosyjski” 1969, nr 1, s. 53–55.

⁶⁷ „Slavia Orientalis” 1974, nr 2, s. 249–253.

⁶⁸ „Slavia Orientalis” 1982, nr 1–2, s. 89–93.

⁶⁹ „Przegląd Rusycystyczny” 1983, nr 1, s. 121–124.

(„Литературное наследство, т. 84)⁷⁰; диссертация Mitsuyoshi Numano *Судьба искусства Юрия Олеши. Его жизнь в метафорах*⁷¹; Введение к реферативному сборнику „Польская художественная литература в семье славянских народов”⁷²; статьи-исследования о Б. Бурсове⁷³, И. Бэлзе⁷⁴, И. Горском⁷⁵, Л. Ершове⁷⁶, Г. Краснове⁷⁷, И. Кузьмичеве⁷⁸, В. Кулешове⁷⁹, Я. Станюкович⁸⁰, М. Храпченко⁸¹, Е. Цыбенко⁸²; энциклопедические статьи – о М. Алексееве, С. Ланде, К. Павловой, Б. Росточком, С. Спассе, Б. Стахееве, В. Витт, В. Адриановой-Перетц, П. Беркове, Д. Благом, Н. Гудзии, Г. Гуковском, Д. Лихачеве, С. Макашине, Н. Пиксанове, Н. Грече, Ф. Стекловой, В. Хореве, Е. Цыбенко, П. Николаеве, П. Палиевском, Н. Горбаневской, В. Жирмунском.⁸³ Для словаря русских писателей⁸⁴ персоналии и тематические статьи, в том числе „Литературная Газета”, „Колокол”, *Лишний человек*, *Антинигилистический роман*, *Михайловское*, *Болдино*, *Ясная Поляна*. Представления журналов: „Научные доклады Высшей школы. Филологические науки” – *dwumiesięcznik filologii radzieckiej*⁸⁵; „Русская литература” – *radziecki kwartalnik historyczno-literacki*⁸⁶; „Советское славяноведение” – *organ slawistów radzieckich*⁸⁷; *Dwudziesto-*

⁷⁰ „Przegląd Humanistyczny” 1974, nr 10, s. 153–156.

⁷¹ „Slavia Orientalis” 1983, nr 4, s. 529–532.

⁷² *Сборник обзоров и рефератов*, Москва 1987, s. 4–6 (в соавторстве с Е. Ф. Трущенко).

⁷³ „Przegląd Humanistyczny” 1969, nr 4, s. 71–76.

⁷⁴ „Slavia Orientalis” 1974, nr 3, s. 353–356.

⁷⁵ „Slavia Orientalis” 1981, nr 3, s. 331–342.

⁷⁶ „Slavia Orientalis” 1984, nr 2, s. 199–234.

⁷⁷ „Slavia Orientalis” 1981, nr 4, s. 433–445.

⁷⁸ „Slavia Orientalis” 1983, nr 4, s. 503–526.

⁷⁹ „Slavia Orientalis” 1989, nr 1–2, s. 123–144.

⁸⁰ „Slavia Orientalis” 1983, nr 3, s. 359–368.

⁸¹ „Slavia Orientalis” 1977, nr 2, s. 183–190.

⁸² „Slavia Orientalis” 1983, nr 1–2, s. 155–176.

⁸³ *Wielka encyklopedia powszechna*, t. 13, Warszawa 1970; *Literatura polska. Przewodnik encyklopedyczny*, t. 1, 2, Warszawa 1984–1985; *Słownik badaczy literatury polskiej*, t. 2, Łódź 1998; *Literatura polska XX wieku. Przewodnik encyklopedyczny*, Warszawa 2000, t. 1, 2.

⁸⁴ *Słownik pisarzy rosyjskich*, Warszawa 1994.

⁸⁵ „Przegląd Humanistyczny” 1969, nr 5, s. 177–182.

⁸⁶ „Przegląd Humanistyczny” 1969, nr 4, s. 167–170.

⁸⁷ „Przegląd Humanistyczny” 1969, nr 3, s. 163–167.

pięćciolecie pisma naukowego „Вестник МГУ”.⁸⁸ Отчеты: *VII Международная конференция редакторов журналов по русистике* (Пекин, 19–25 X 1987)⁸⁹; *Генеральная Ассамблея МАПРЯЛ*⁹⁰; *Slawistyka w krajach niesłowańskich (Sprawozdanie z sesji naukowej Komitetu Słowianoznawstwa PAN)*.⁹¹

Приводя разнообразные по жанру отклики Б. Бялокозовича на научную и художественную литературу России, мы имеем в виду реализованную в ней тенденцию к сопричастию опыта русских исследователей к опыту польскому в цельных взаимоотражениях обнаруживать все более глубокие и богатые пласты. Подтверждает это появление в 1985 г. антологии *Polonistyka radziecka. Literaturoznawstwo, wybór, wstęp i notki o autorach*, в которой названная тенденция выразилась в системном виде и где представлены труды известных русских полонистов: И. Н. Голенищева-Кутузова, В. Л. Британишского, Л. А. Софроновой, А. В. Липатова, И. И. Свириды, И. Ф. Бэлзы, С. И. Бэлзы, В. В. Мочаловой, С. С. Ланды, Б. И. Ростockого, М. П. Алексеева, Б. Ф. Стахеева, В. Б. Оболевича, Е. З. Цыбенко, И. К. Горского, В. В. Витт, Т. П. Агапкиной, Н. А. Богомоловой, А. Г. Пиотровской, Л. И. Ровняковой, С. А. Спасс, Я. С. Станюкович, Д. С. Прокофьевой, В. А. Хорева и других.

Совокупность того, что благодаря научной и организующей деятельности Б. Бялокозовича раскрылось в тысячелетнем материале литературных контактов Польши и России, позволяет говорить о необходимости ввести в понятийную систему компаративистики еще одну принципиальной важности дефиницию – взаимовосполнение литератур как определяющую уникальную качественность своеобразия именно польско-русских литературных контактов и как понятие-термин, продолжающий, дополняющий существующий ряд – взаимоотношения, взаимодействия, взаимовлияния литератур.

Европейский контекст

Уже к концу 80-х годов Б. Бялокозович, подытоживая свои разыскания о связях Блока и его творчества с Польшей, обнаруживает переключку мистических предощущений будущей Европы Блоком с историческими прозрениями Мицкевича, особый интерес автора *Возмез-*

⁸⁸ „Przegląd Humanistyczny” 1970, nr 1, s. 181–186.

⁸⁹ „Przegląd Rusycystyczny” 1988, nr 2, s. 93–118.

⁹⁰ „Język Rosyjski” 1970, nr 5, s. 307–310.

⁹¹ „Przegląd Humanistyczny” 1972, nr 4, s. 175–182.

дия к мицкевичевскому мессианизму в период между созданием первой и второй редакциями поэмы именно по причине включенности его славянского пафоса в общеевропейский и мировой контекст. Ученый приводит и комментирует фрагменты из дневника Блока от 14 ноября 1911 г. и письма к матери от 20 августа того же года из Парижа: „Пушкин, русская история, польский «мессианизм», Мицкевичев островок в Париже”; „Я надеюсь наблести это тайное вторжение славянского пафоса (его отрасли, самой существенной для меня теперь) в одном уголке Европы: на задворках Notre Dame, за моргом, есть островок, где жили Бодлер и Теофиль Готье; теперь там в старом доме – польская библиотека и при ней – маленький музей Мицкевича (который читал в Париже лекции в 40-х годах). Иначе говоря, на этом островке, мало обитаемом и тихом, хотя и в центре Парижа, как бы поставлен знак; это – один из ферментов будущего – волшебное зеркало, в котором можно видеть духов Байрона, Мицкевича, революции французской и славянской и т. д., и т. д.”⁹²

Всеевропейский подтекст и контекст углублялся прежде всего вследствие перехода количества в качество – когда накопленные Бялокозовичем познания давали возможность и делали необходимым выход за пределы двухсторонних польско-русских связей. Мощным импульсом явились геополитические изменения 90-х годов, открывшие и заострившие историческую обоснованность такого движения компаративистики. Существенен стал внутрилитературный процесс, когда в Польше и России осмысливались прежде разделенные внутренние и эмигрантские литературные потоки в их драматическом единстве, что естественно вовлекало в орбиту исследований западный материал. Показательны здесь для темы нашего обсуждения два факта. Пребывание Б. Бялокозовича в 1988-92 годах в качестве контрактного профессора в Институте мировой литературы им. М. Горького, где он мог наблюдать указанные процессы в России и принимать в них непосредственное участие. И фактическое преодоление расхождений в польской компаративистике, выразившееся ярче всего в солидарности профессора Р. Лужного с направлением, которое возглавил Б. Бялокозович как руководитель русистской кафедры в Ольштынской ВПШ и новой компаративистической серии „Acta Polono-Ruthenica” манифестацию чего находим в упомянутой выше статье *O zasadności powołania serii wydawni-*

⁹² Б. Бялокозович, *Польша и поляки в творческом сознании Александра Блока*, [w:] *Родственность, преемственность, современность*, s. 164.

czej „Acta Polono-Ruthenica”, а также в двух предыдущих.⁹³ А с другой стороны, в статье Б. Бялокозовича *Profesor Ryszard Łuźny i jego wschodniosłowiańskie fascynacje naukowe. Kształtowanie się kulturologicznej szkoły badawczej* находим развернутую трактовку западно-латинского и религиозного компонентов компаративистики как необходимейших и существеннейших.

Прежде чем обратиться к конкретным работам Б. Бялокозовича 90-х годов, укажем еще на одно, на наш взгляд, чрезвычайно важное обстоятельство. Европейское измерение приобретают труды Профессора как результат восстановления на новой основе традиции великих компаративистов конца XIX–XX вв., европеизм которых был условием и следствием глубочайшего, утраченного последующими поколениями ученых проникновения, в русско-польские исторические, религиозные, культурные отношения как раз в контексте всеевропейском – проблематики и уровней Мариана Здзеховского, Бодуэна де Куртенэ, Юзефа Чапского. О них Бялокозович писал и прежде, но теперь, так сказать, – в полный голос и в новаторском литературоведческом жанре, в чем-то реанимирующем биографический метод: в виде жизнеописаний великих гуманитариев, проходящих через Большое время и выражающих и освещающих мощным светом своего Интеллекта проблемы, противоречия, трагедии, смысл истории и культуры Польши, России, всей Европы и мира. Остановимся прежде всего на книге и статьях о Мариане Здзеховском.

Тридцать шесть лет назад, в 1965 г., Б. Бялокозович начал публиковать и комментировать переписку М. Здзеховского с Толстым. Раскрывавшиеся по мере разыскания материалов в архивах России, Польши и Литвы все новые горизонты, загадки и перспективы, а также необходимость параллельно осваивать множившуюся литературу о Здзеховском в Польше и на Западе и движение русского и мирового толстоведения, приводили к практически ежегодным публикациям Профессора, непосредственно или опосредованно связанными с начатой им важнейшей темой, получившей свое завершение в книге *Marian Zdzie-*

⁹³ R. Łuźny, *O badaniach naukowych Instytutu Słowianoznawstwa PAN raz jeszcze i nieco inaczej*, „Nauka Polska”, t. 41, 1993, nr 2–3, s.87–99; tenże, *Problemy relacji kulturowych polsko-wschodniosłowiańskich – dziś*, [w:] *Polsko-wschodniosłowiańskie powiązania kulturowe, literackie i językowe*, 1: Literatura i kultura, pod red. A. Bartoszewicza, Olsztyn 1994, s. 9–26; tenże, *O zasadności powołania serii wydawniczej „Acta Polono-Ruthenica”*, „Acta Polono-Ruthenica”, t. 1, 1996, s. 7–13.

chowski i Lew Tolstoj. Исключительное богатство накопленного материала и глубина его интерпретации отражены в самом построении книги. В центре – переписка Здзеховского с Толстым и ближайшим его окружением (В. Чертковым, П. Сергеенко, Д. Маковицким), обрамленная исчерпывающими вводными статьями и обстоятельными комментариями с добавлениями. Этим двум частям предшествует первая – *Мариан Здзеховский и мир русской культуры*, где, кроме очерка жизни, научного творчества и религиозных исканий, излагаются его личные и эпистолярные связи с представителями русской религиозно-философской мысли конца XIX – первой трети XX столетия: В. Соловьевым, С. Булгаковым, бр. Трубецкими, Д. Мережковским, Н. Бердяевым, Д. Filosoфовым и рядом других, воспринятых в проблемных отношениях с Толстым и толстоизмом (термин, употребляемый Бялокозовичем вслед за Здзеховским вместо „толстовство”). Благодаря этому, а также проведенной сверке четырех редакций писем автора *Воскресения* к польскому адресату, переписка Здзеховского с Толстым впервые получила свое адекватное текстологическое и содержательное истолкование позволяющее увидеть и понять ее как уникальное, непреходящее по своему значению событие в истории религиозно-этических исканий русской, польской и западно-европейской культур. Острейший ее момент – четко сформулированное Здзеховским в письмах к Толстому и во время встреч с писателем в Ясной Поляне несогласие с тем положением толстовской статьи *Патриотизм и христианство*, которое отрицало правомочность насильственных протестов закабаленных народов, значит, и освободительных восстаний поляков, сербов и других „малых” народов, поработенных большими (в IV части книги Бялокозович рассматривает корреспонденцию М. Здзеховского с Душаном Маковицким по поводу толстоизма и статьи Толстого *О присоединении Боснии и Герцеговины к Австрии*). Б. Бялокозович стремится, раскрыть драматизм переживаний и интеллектуальных прозрений Здзеховского на путях постижения силы и бескомпромиссности духовного противостояния Толстого империалистическому варварству и цитирует как одно из итоговых полемическое возражение критикам взглядов Толстого, высказанное 27 ноября 1910 г. на посвященном памяти Толстого собрании в краковском Славянском клубе: „Упреки эти несправедливы. Нельзя Толстого мерить мерой, которую используют при оценках политиков и публицистов, занятых текущими делами. Толстой шел дальше; он был моральным и религиозным реформатором; поэтому ставить его необходимо не около Родичева или Шарапова, но в ряд творцов религий и первых учителей христианства. Как они, судил он мир

не с позиций той или иной политической или общественной теории, а с позиции идеи Царства Божия. Естественно, во имя этой идеи он осуждал всякое насилие, в том числе чинимое насилие Польше, однако осуждение свое он распространял и на угнетаемых, если они с оружием в руках, т.е. путем насилия, начали бороться за свои права". Анализирует Б. Бялокозович и два других огромной важности вопроса: отношение к учению Толстого т. н. католического модернизма, одним из виднейших представителей которого, наряду с французскими католическими мыслителями, был М. Здзеховский, и пути практической реализации высших этических ценностей христианства. При всем различии подходов, Здзеховский понимал и призывал понять других в учении Толстого главное: что бесконечное и абсолютное нельзя понять разумом, но можно и обязательно нужно постигать жизненно, опытом своей жизни. Прослеживая судьбу уникального опыта М. Здзеховского по усвоению и передаче будущему духовного наследия Толстого в драматических условиях XX века, Б. Бялокозович вводит читателя в круг необходимой религиозно-философской, критико-литературной, общественно-политической, мемуарной литературы на польском, русском, французском, итальянском, немецком и английском языках, появившейся преимущественно на Западе и в Польше в период с начала века до 90-х гг., а также сведения о неопубликованных, или мало доступных печатных материалах, какими стали, например, отчеты Ю. Чапского и В. Ледницкого о курсе лекций М. Здзеховского в 1925 г. в Сорбоне по истории русской православной философии, где постоянными его слушателями были Мережковский, Бердяев, З. Гиппиус, Трубецкие, А. Карташев и др. В плане непосредственного усвоения толстоизма нельзя не видеть, что ни до революции в России, ни после нее в кругах русской эмиграции, ни в 60–90-е гг. на родине писателя, когда толстоведение наполнилось призывами к исследованию религиозно-нравственного его учения, не было создано адекватных работ. По-видимому, русская религиозно-философская мысль, даже в лице крупнейших ее представителей, не обладала достаточным опытом и возможностями. Для этого надо было опереться на опыт также католической философии и этики и на путях синтеза обеих традиций постигать всемирность и всеобщность абсолютных Толстого, как на это отважился М. Здзеховский.

В статьях о Здзеховском-пушкинисте⁹⁴ Бялокозович останавливает

⁹⁴ *Marian Zdziechowski jako puszkiniolog*, „Acta Polono-Ruthenica”, t. 3, 1998, s. 227–252; *Bajronizm Puszkina. Kontrowersje między Marianem Zdziechow-*

внимание на остающейся, несмотря на более чем столетнюю давность, проблематичной, концепцию соотношения поэзии Пушкина и Мицкевича с романтизмом Байрона и с кажущимся преодоленным предпочтением мицкевичевского романтизма как более глубокого и близкого байроническому. Комментируя упреки этого плана в адрес Здзеховского, сделанные в свое время В. Ледницким, Бялокозович напоминает конкретные обстоятельства наиболее „жестких” сопоставлений Пушкина и Мицкевича с Байроном, а именно, столетний юбилей русского поэта, использованный официальными властями для затушевывания разногласий Пушкина и Мицкевича по „польскому вопросу”, когда юбилейные торжества в Кракове, проводившиеся с участием Здзеховского, более походили на чествование Толстого, воспринявшегося поляками – вследствие его выступлений в защиту Польши – как бы в противопоставлении Пушкину, что Здзеховский и другие польские корреспонденты напрямую объясняли Толстому в письмах к нему. Обратившись же к статье М. Здзеховского, посвященной столетию со времени гибели Пушкина, Бялокозович акцентирует внимание на сближении Здзеховским лирики Пушкина с искусством Ренессанса как пути к раскрытию тайны ее Красоты. Он воспроизводит перевод элегии *Я помню чудное мгновение*, сделанный Здзеховским, и цитирует его толкование: „Не знаю, сумею ли передать впечатление о том звучании лирики Пушкина, которое упоет душу цветком чистой красоты, которая лишь переживается и которой можно дивиться в молчании... Чувство это можно сравнить с тем, что испытываешь при встрече с шедеврами итальянского Возрождения; гармонически слились там два мира. Два взгляда на жизнь: языческий культ тела и христианская духовность. Одухотворенные Мадонны по земному прекрасны, но и полны неземного покоя и счастья, в окружении святых, патриархов и апостолов, добрых, безмятежных, счастливых – и все на фоне глубокой лазури итальянского неба. Так же и в поэзии Пушкина чувственный элемент слился с духовным в дивно звучащем аккорде, отсюда ее красота и благородство”. И далее, отмечая нарастание тотального пессимизма Здзеховского, питавшегося глубоким ощущением надвигавшейся мировой катастрофы, Б. Бялокозович показывает, что последний раз опти-

skim a Waclawem Lednickim. [w:] Literatura Słowian Wschodnich. Tendencje rozwojowe, przewartościowania, red. M. Ściepuro, Zielona Góra 1999, s. 37–50; Marjan Здзеховский о байронизме Мицкевича и Пушкина. „Ученые записки Вильнюсского университета. Literatura”, t. 40 (2), Vilnius 2000, s. 70–82.

мистически прозвучали только слова о его, Здзеховского, вере в могущество Красоты поэзии Пушкина: „Мы имеем несчастье жить в эпоху, в которой зло празднует свой наивысший до сих пор исторический триумф, над человечеством шалает вихрь всеобщего уничтожения, пожар объял свет – каждый может видеть это из своего окна. Рядом с триумфом зла и против этого триумфа встает поэзия Пушкина, как одно из прекраснейших проявлений могущества Красоты, которая, как утверждают те, кто *contra spem sperant*, спасет мир”.

Близки по форме и отчасти по проблематике работы о Юзефе Чапском, охватывающие без малого вековую жизнь этого удивительного человека, живописца, литератора, политика, мемуариста, знавшего и любившего русское искусство, рано приобщившегося к исканиям Толстого, Достоевского, Блока, продолжившего сопряжение судеб творческой интеллигенции Польши и России, особенно эмигрантской, в пореволюционные десятилетия, годы второй мировой войны, в послевоенные почти полвека, вплоть до своего ухода из этой жизни в марте 1993 г.: *Толстоизм в философских исканиях конца XIX – начала XX века (Мариан Здзеховский и Юзеф Чапский)*⁹⁵; *Д. С. Мережковский и А. М. Ремизов в восприятии и художественном сознании Юзефа Чапского*⁹⁶; *Юзеф Чапский и литературный триумvirат (Дмитрий Мережковский, Зинаида Гиппиус и Дмитрий Философов)*⁹⁷; *Анна Ахматова и Юзеф Чапский. Личные и творческие отношения*⁹⁸; *Польские мотивы в творчестве Анны Ахматовой*⁹⁹; *К творческой истории одного стихотворения Анны Ахматовой („В ту ночь мы сошли друг от друга с ума”)*¹⁰⁰; *Józef Czapski i literatura rosyjska*¹⁰¹; *Tolstoizm w percepcji Józefa Czapskiego – od apoteozy do negacji*¹⁰²; *Józef Czapski wobec Lwa Tołstoja*.¹⁰³ Исключительно богатые по материалам, текстовому анализу, тонким

⁹⁵ *Русская культура и мир. Тезисы докладов участников II Международной Конференции*, ч. I, Нижний Новгород 1994, s. 136–138.

⁹⁶ „Przegląd Rusycystyczny” 1994, nr 1–2, s. 29–44.

⁹⁷ *Kresy i pogranicza*, Olsztyn 1995, s. 126–149.

⁹⁸ *Волковські читання. Тези доповідей*, Чернівці 1990, s. 31–33.

⁹⁹ *Вторые Ахматовские чтения. Тезисы докладов и сообщений*, Одесса 1991, s. 32–34.

¹⁰⁰ *Сюжет и время. Сборник научных трудов*, Коломна 1991, s. 164–171.

¹⁰¹ „Slavia Orientalis” 1991, nr 1–2, s. 81–100.

¹⁰² *Literatura rosyjska wobec współczesności*, Olsztyn 1993, s. 73–86.

¹⁰³ *Roczniki Humanistyczne TN KUL. Słowianoznawstwo*, t. 41, 1993, z. 7, s. 141–162.

сопряжениям биографических фактов с глубоко интерпретированными историческими событиями, политическими движениями, философскими, религиозными и литературно-эстетическими течениями XX века. работы Бялокозовича о Юзефе Чапском стали открытием, по крайней мере в трех отношениях: тем, во-первых, что они восполнили существующие работы о нем „русской частью” его судьбы, взглядов и деятельности; во-вторых, тем, что в связи с Чапским и через него обобщены опубликованные ранее фрагментарно или вовсе неизвестные прежде факты жизни и деятельности, литературного наследия таких известных русских писателей, как Мережковский, Гиппиус, Философов, Ремизов, Ахматова, без чего теперь немислимы сколько-нибудь полные характеристики их личности и творчества. В особенности здесь хотелось бы выделить страницы о встречах с Мережковским, развернутую характеристику внешнего и внутреннего облика Дмитрия Сергеевича, оценку его христианских романов; статьи о произведениях Ремизова, думается, лучшим из известного нам проникновения в тайны стиля и содержания ремизовских творений, сцены трогательной заботы о больном писателе; проникновенное литературоведческое повествование о встрече Юзефа Чапского летом 1942 г. в Ташкенте с Анной Ахматовой и анализ ее стихотворения, зародившегося, тогда же, но оформившегося намного позднее, в 1959, после состоявшейся второй встречи Анны Ахматовой с Юзефом Чапским в 1957 г. в Париже. Стихотворение соткано из интонаций, образов, словосочетаний, знакомых по другим ахматовским стихам, но, думается, никогда поэтесса столь конкретно не обозначала место, обстоятельства и „приметы” того, встреча с кем была воспета бессмертным ахматовским стихом; и никогда прежде не звучала столь пронзительно лично и одновременно исторично драма разъединения людей и народов в трагическом XX веке и высоко:

И мы проходили сквозь город чужой...
То мог быть Стамбул или даже Багдад
Но, увы! не Варшава, не Ленинград,
И горькое это несходство
Душило, как воздух сиротства.